Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://astafevvictor.ru/ Приятного чтения! Жил на свете Толька Пронин. Были у него отец и мачеха, а у мачехи другой парнишка ? Сенька. Толька качал его в люльке, а Сенька сучил ногами, тряс побрякушку, пускал пузыри и, улыбаясь Тольке, разговаривал с ним на непонятном языке. Толька грозил ему кулаком и, дергая люльку, шипел: ? Спи ты! А то как двину! ? И, чтобы не услышала мачеха, тут же припевал: ? О-о-о, спи, малышка, ? и еще тише: ? Спи, паразит! А потом семья распалась. Распалась быстро, но незаметно. Отец Тольки умер в больнице, а мачеха вскоре после его смерти забрала Сеньку и уехала из нового заполярного города. Остался Толька один в заброшенном домишке. Здесь в летнюю пору была парикмахерская. Дощатые стенки этого домишки плохо защищали от северных морозов, но Толька особенно не горевал. В городе четыре лесопильных завода, и отходов с них можно брать сколько угодно. Ему и раньше приходилось каждый день возить на санках дровишки, но безо всякого интереса, а теперь он делал это с удовольствием ? не для Сеньки и не для мачехи возит! Толька зажил в свое удовольствие, наслаждаясь свободой и покоем. Что могло сравниться с теми минутами, когда, раскалив докрасна печку, он раскладывал на ней кружочки картошки и, не особенно беспокоясь, допеклись они или нет, неторопливо, с чувством уплетал то подгоревшие, то почти сырые пластинки. За окнами северное сияние выделывало свои фокусы. Оно расстилало по небу такие красивые, похожие на материю полосы, каких Тольке не приходилось видеть даже в магазинах. От сияния скользил по снегу трепетный свет, проникал в избушку и играл на стенах, на печке. Потом в комнате оставались бледные тени, они медленно ползли, точно искали чего-то. И бледный свет, от которого веяло волшебством, и тишина, которую нарушали лишь голодные мыши, скребущие по углам, заставляли Тольку пугливо настораживаться. Он сидел у печки, боясь шелохнуться. Мыши безбоязненно подбегали к нему и, хлопотливо попискивая, таскали картофельные очистки. Толька подкидывал и подкидывал в печку дрова. Ему было не так страшно, когда в ней плясали веселые огоньки. У печки сосредоточилась Толькина жизнь. Здесь лежали мешок с картошкой, который, к огорчению мальчишки, заметно легчал, постель из половиков, консервные банки, заменявшие посуду, кучка дров, на которых ступнями кверху Толька пристраивал валенки. Мачеха уехала тайком и забрала почти все. Многого не хватало в Толькином хозяйстве, но зачем ему какая-то посуда, постель и прочее барахло? У него было главное? независимая жизнь. Тем, кто хоть немного пожил со злой мачехой, понятно, что это значит. Наевшись, Толька запивал холодной водой печеную картошку и зажигал фонарь, неизвестно каким образом попавший в дом с соседнего конного двора. После этого Толька завертывался в половик и ложился рядом с печкой. При тусклом свете фонаря он читал книгу до того, что глаза смыкались сами собой. Маленький Толькин мир проваливался в темноту. Спал он сколько хотел и делал что вздумается. В школе он держался так, будто для него все трын-трава, и ходил с таким видом, что, мол, хочу ? учусь, хочу ? нет. Могу спустить девчонке льдинку за воротник, пострелять из резинки, прокукарекать на уроке. Некоторые ребята завидовали Тольке и старались водить с ним компанию. Не один раз учительница посылала Тольку к директору школы. Директор писал записки на имя Толькиных родителей. Эги записки Толька читал вслух, ехидно посмеивался и в заключение, плюнув на неразборчивую подпись директора, бросал их в печку. Кое-кто из ребят узнал все-таки, что Толька остался беспризорником. Но он пригрозил "дать жизни" тому, кто расскажет об этом в школе. Характер Толькин ребята знали, оттого и помалкивали. Все кончилось бы раньше и проще, не будь этой тайны, которую так ревниво оберегал Толька, если бы не запугивания мачехи. Кроме никчемного скарба от мачехи, остался Тольке страх перед детским домом. Мачеха за любой проступок давала Тольке подзатыльники и обещала отправить его в какой-то таинственный приют, где ребят бьют проволочной плетью, кормят селедкой и не дают воды. Она внушала ему, что приютские воспитатели ? форменные звери. День за днем она пугала его грозным приютом и добилась своего: приюта Толька боялся больше всего на свете. Прошло около месяца, и в Толькину избушку начала заползать нужда. Кончилась картошка, кончился керосин, даже мыши вроде куда-то исчезли. Голод одолевал Тольку. Однажды утром он забыл умыться, а потом вообще махнул рукой на это бесполезное дело. Весь он сжался, чувствуя, что к нему подступает что-то тяжелое. И на уроках теперь он сидел тихо, чем немало удивлял учительницу. Однажды Толькина рука неожиданно наткнулась в парте на кусок хлеба. Незаметно положив хлеб в карман, мальчик на перемене убежал в раздевалку и съел его. Хлеб стал появляться в парте ежедневно. Толька подумал, что его забывает кто-то из учеников первой смены. Но как-то на перемене заметил, что ребята таинственно перешептываются между собой. И понял все. Гордость и неприязнь к сытым ребятишкам победила голод. Толька бросил хлеб на пол и закричал: ? Я не кусочник! С трудом сдерживая слезы, он сунул учебники за пояс и убежал из школы. В этот день Толька украл в

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru магазине с прилавка небольшой довесок хлеба. Сколько мук доставило ему это! Толька протягивал к ржаной на редкость поджаристой горбушке руку и тут же отдергивал ее. Ему казалось, что все в магазине смотрят на него. Наконец он схватил первый попавшийся довесок хлеба и опрометью бросился из магазина. Долго колесил он по улицам и переулкам, прятал кусок то за пазуху, то в карман, но ему қазалось, что все равно хлеб заметно. После пережитых волнений изжевал он кусок без всякого аппетита и решил больше не красть. Вечером Толька от нечего делать забрел на конный двор. Здесь было удивительно мирно и спокойно. Кони с хрустом жевали сено, пахнущее летом, блаженно фыркали, нюхали через загородку друг друга. Долго стоял Толька, прислушиваясь к лошадиной жизни. Даже дремота его стала разбирать. Он встряхнулся, боязливо погладил одну лошадь и нагрузил из ее кормушки полные карманы овса. Лошадь, как показалось Тольке, укоризненно смотрела на него из сумрака большими темными глазами. Толька снова погладил ее и сказал шепотом: ? Ничего, у тебя ведь много. Мальчик поджарил овес на печке и принялся его шелушить. Овсом до боли искололо язык, но это все-таки была еда, и Толька решил, что временный выход из положения найден. Когда не хотелось спать (а натощак спалось плохо), он читал книгу с приключениями, мечтал по-своему: "Скорей бы до весны дожить, до первого парохода! Поеду я далеко-далеко, в жаркие страны. Хоть зимой, хоть летом там теплынь и шамовки завались. Буду я, как Робинзон Крузо или Миклуха-Маклай. Может, остров какой сыщу, небось не все еще открыты: земля-то вон она какая широкая!" С мечтой жилось легче. Утром Толька бодро пришел в школу, бросил в парту замызганные учебники и с независимым видом принялся за овес. ? Ты чего жуешь? ? спросил Вовка, с которым Толька сидел рядом уже вторую зиму. ? Семечки. Вовка протянул руку под партой и шепнул: ? Сыпани малость. Толька покраснел, помялся и высыпал ему на ладонь щепоть овса. Вовка попробовал и восхитился: ? Вкусно! Толька ухмыльнулся и ничего не ответил. В перемену Вовка попросил еще. На этот раз Толька дал ему побольше ? коль нравится, жалко, что ли! Вовка выбежал в коридор, а Толька остался за партой. Отцовы валенки совсем развалились и были перевязаны проволокой; штаны и рубаха тоже запачкались и порвались. И шут его знает, где и когда они порвались! Толька попробовал чинить штаны, но стянул нитками рванье, и те места, где были дыры, напоминали рубцы недавно заживших болячек. Показываться на люди в такой одежде было совестно. Вовка вернулся из коридора не один, а с ребятами. Они наперебой стали клянчить овса, расхваливать его на все лады. ? Давай, Толька, меновую сделаем, ? предложил Вовка. ? Какую меновую? ? Ну... ты нам ? овса, а мы тебе свой завтрак, нам эти завтраки надоели хуже горькой редьки. Все хлеб да хлеб. "Дуралеи", ? решил Толька про себя и снисходительно согласился: ? Что ж, можно, конечно, и сменять. Сделка была выгодной: за несколько горстей овса он наелся досыта да еще унес домой два бутерброда. А так как ребята настойчиво требовали еще овса, на конный двор он пошел вечером уже с мешочком. Когда Толька шмыгнул еще овса, на конный двор он пошел вечером уже с мешочком. Когда Толька шмыгнул обратно к воротам конного двора, из сторожки, где хранилась сбруя, вышел сторож и остановил его: ? Ты что здесь делаешь? Толька держал за спиной мешочек и не знал, что ответить. ? Овсеца-то зачем набрал, милок? Решив, что дедушка с таким добрым лицом не пожалеет овса, мальчик глухо ответил: ? Есть. ? Е-есть? ? удивленно произнес старик. ? Как так есть? Ты что, конь или курица, чтобы овсом кормиться? Постой, постой, да ты чей будешь? Вроде бы мне твое обличье знакомо. ? Пронин я. Толька Пронин. ? Так, та-а-ак, ? задумчиво протянул сторож. ? Значит, живете по соседству. Знавал я отца твоего покойного. А мачеха-то где? ? Уехала кула-то. ? Вон-на что? ? с изумлением полнял брови старик и засуетился. Уехала куда-то. ? Вон-на что? ? с изумлением поднял брови старик и засуетился. ? Погоди-ка, сынок. ? Он засеменил в сторожку и вынес оттуда краюшку хлеба, на которой соблазнительно красовались три пареные картофелины и кусочек сала. ? На-ка вот поешь, дорогой, а овес-то брось, не дело им питаться. Толька прижал краюшку и тихо сказал: ? Спасибо, деда. ? Ешь, ешь на здоровье, голубок, ? наговаривал старик, провожая его с конного двора, и уже в воротах спросил: ? В детдом-то пошто не идешь? ? Лупят там нашего брата. ? Кто это тебе наговорил? ? Сам знаю. Однако Толька не удержался. Он доверчиво высказал деду все свои страхи и заявил, что в приют он "ни в жизнь не пойдет". Старик задумчиво прищурился, потеребил бороду и проговорил, вздохнув: ? Ну что ж, вольному воля... В эту ночь Толька видел разные приятные сны: то свою шумную школу, то поля золотого овса, то жаркие страны, где на деревьях растут вареные картофелины величиной с арбуз, то доброго седенького деда. Проснулся он от чьих-то разговоров и шагов по скрипучим половицам. Только что видел он дедушку с конного двора во сне ? и сейчас слышался его голос. Только казалось, что сон еще продолжается. ? ...Не дело это, товарищ милиционер. Живет он в холоде, в голоде, изведется малый. ? Почему он сам не заявляет о том, что остался один? Давно бы уже в детдоме был, ? отозвался незнакомый голос. ? Э-э, милай, сейчас все узнаешь, ? ответил старик и тихонько потянул половик, в который Толька закутывался, как в одеяло. ? Голубо-ок! Вставай-ка, горемыка, дядя за тобой пришел. Толька быстро вскочил и,

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru едва различая при бледном свете волосатое лицо старика, задыхаясь, прокричал: ? У-ух ты, старый! Хлеба дал, картошки дал! Я думал, ты добрый! А ты продал меня! Не пойду в приют! Не пойду, хоть на месте застрелите! ? Да ты что, милай! Зачем ругаешься? Тебе ведь люди добра хотят, ? приговаривал дед, пытаясь погладить его по голове. ? Пойдешь в детдом, там тебя оденут, обуют, кормить, учить станут, с ребятками такими же, как ты, жить будешь. Там и тетеньки есть, воспитательницами называются. Они тебя полюбят, ты вон какой парень ? боевой да умный... ? Да, называются. Они теоя полюоят, ты вон какои парень ? ооевои да умныи... ? да, полюбят, по спине плетью с проволокой, ? уныло отозвался Толька. ? Дяденька милиционер, дедушка, мне здесь хорошо, не отправляйте меня в детдом! А? Не отправляйте? ? Таким родителям на осиновом суку самое подходящее место, ? негромко сказал дед. ? Хорошо, мальчик, в детдом тебя не отправим, ? сказал милиционер, ? сходишь со мной, тебя там спросят, запишут и отпустят. ? Иди, голубок, иди, хорошо тебе будет. Потом ко мне, старику, прибежишь, спасибо скажешь, ? ласково говорил дед. И Толька понял, что детдома ему не миновать. На улице все еще было сумрачно. Впрочем, и весь зимний заполярный день напоминает сумерки. Светает медленно, словно ленивый человек поднимается с постели. Сумерки были Тольке на руку. Шагая с милиционером, он подсматривал удобное место и выжидал подходящий момент. И вот он, этот момент: узкий проулок впереди и открытые ворота. Толька рванулся в сторону, вильнул за сугробы и побежал, что было силы. Вдогонку ему несся голос милиционера: ? Мальчик! Мальчик! Постой, глупый... Толька нырнул в ворота незнакомого дома, милиционер пробежал мимо. Сердце Тольки радостно колотилось. Снова свобода, раздолье и никакого детдома! Однако он быстро понял, что в жизни его наступила большая перемена. Домой ему возвращаться нельзя, идти некуда. Осталась только школа. Но и в школе дела у Тольки обстояли неважно. Он напропалую грубил учительнице и отличникам, без всякой причины лез в драку, чтобы сорвать свою злость. Вера Семеновна? классный руководитель? сердилась, отчитывала его при всех. И всего обидней было стоять перед всем классом в порванных штанах, в дырявой рубахе и огрызаться. Он почувствовал, что скоро наступит момент, когда не выдержит и заревет. Не-ет, реветь он, Толька Пронин, не станет. Не из таковских он, чтобы его нюни весь класс увидел. Лучше в школу не пойдет, все равно уж теперь. Зачем она нужна, школа? Э-эх, дожить бы ему до первого парохода! Места надо ему совсем-совсем маленько. Не больно раскормлен, в какую-нибудь щель заберется так, что сам капитан не сыщет. Долго бродил Толька в этот день по городу, ходил из магазина в магазин, из столовой и столовую. Хотелось есть, было тоскливо и обидно. Вот он пристроился в библиотеке на диване, листает журнал, смотрит картинки, голова клонится? в тепле потянуло спать. Он встряхивает головой и глядит на стенные часы. И ясно вдруг представляет себе, что сейчас делается в четвертом классе. Вот прозвенел звонок? начинаются занятия во вторую смену. Ребята привычно усаживаются за парты, вынимают из сумок чернильницы, книги, тетради, успевают посмеяться, ущипнуть девчонок. Самые отчаянные, приоткрыв дверь, смотрят в коридор и, крикнув "Идет!", бросаются на свои места. В класс входит Вера Семеновна со строго поджатыми губами. Ребята позаглаза называют ее ронжей в честь рыжеголовой птицы, которая умеет надоедливо каркать. Учительница поправляет рыжие волосы, открывает журнал и начинает перекличку. Дойдя до Толькиной фамилии, оглядывает класс, приподнимает брови и с нескрываемым раздражением говорит: ? Опять нет?! Долго он сидел в библиотеке и думал: "Где ночевать? Что есть?" Ему хотелось лечь и умереть, но только так умереть, чтобы он мог видеть и слышать, как станут жалеть его и как учительница будет раскаиваться, проклинать себя, может быть, заревет даже оттого, что обижала когда-то заброшенного мальчика. Что только не лезло в голову в этот тяжелый день. Спать ему пришлось на чердаке городского театра, около горячих труб парового отопления. После кошмарных снов, грязный, измученный, он пробродил полдня по городу, доел остатки чьего-то обеда в столовой и, не в силах перебороть себя, побрел в школу. Он встал в углу около школьной раздевалки и, глотая слезы, подкатывается к горлу, смотрел на пробегающих мимо него чистеньких и довольных ребят. Он не заметил, как подошел Вовка и тихо спросил: ? Толь, ты почему в класс не заходишь? Толька хотел ему ответить, но вдруг отвернулся и заплакал. Вовка растерянно топтался и неловко успокаивал его: ? Не реви, Толька, ну, брось. Пойдем в класс. Наплюй на все. Вере Семеновне я такое наговорю за тебя, такое… ? Вовка помялся и, ковыряя носком валенка в щели пола, виновато предложил: ? Ты ведь есть хочешь, не обидишься, если я тебе отдам свой хлеб...? Он вытащил из портфеля бутерброд и сунул его Тольке. Увидев, что он спрятал руку с хлебом за спину и смотрит в пол, Вовка заторопился: ? Давай ешь, а я в класс побегу, чернил налью. Я тебя ждать буду, ну? Приходи, ну, ладно? идет? Толька стер ладонью слезы, снял пальтишко, проглотил бутерброд и пошел в класс. Вовка вытащил из портфеля новую тетрадку, дал запасную ручку, рассказал, что проходили вчера, и даже сам переписал в Толькину тетрадь примеры вместе с

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru ответами, заданные на дом. Толька приободрился и повеселел. На уроке Вера Семеновна велела Тольке встать, сощурившись, осмотрела его и с усмешкой спросила: ? Пронин, ты, может быть, вообще в школе не нуждаешься? Может быть, слишком грамотен стал? Толька уткнулся взглядом в чернильное пятно на парте и молчал. Учительница погасила усмешку и выпрямилась, поджав губы: ? Когда кончится твое самовольство? Когда ты станешь серьезным учеником, когда ты перестанешь мучить меня? ? Она раздраженно оттолкнула в сторону классный журнал. ? Чего только родители смотрят ? не понимаю! Ходит грязный, неряшливый, уроков не учит... Вдруг Вовка вскочил и прерывающимся голосом крикнул: ? Нет у него никого! И вы, Вера Семеновна, ничего не знаете и ничего не понимаете... вот! губы Вовки скривились, задрожали он, хлопнув крышкой, сел, лег лицом на руки и протянул: ? Ему даже есть нечего и ночевать негде-е-е... В классе были слышны только Вовкины судорожные всхлипывания. Сдерживаясь, чтобы не разреветься, Толька терзал рукой тетрадь и молчал. ? Как нет никого?.. ? через некоторое время растерянно вымолвила учительница и, видимо, поняв все, сказала: ? Толя, выйдем со мной. В классе зашептались, задвигались; кто-то из девчонок удивленно воскликнул: ? А мы не знали ничегошеньки! В учительской было пусто. Нервно поправляя прическу, Вера Семеновна посмотрела на Толькины драные валенки, по-лягушечьи раскрывшие рты, на его грязную руку, которой он пытался замаскировать дыру на штанах, и дрогнувшим голосом сказала: ? Почему же ты молчал? Толька уткнулся лицом в ее платье, пахнувшее духами, и разревелся. Учительница гладила его по голове, что-то говорила, но он не мог остановить слезы. Наконец Вера Семеновна легонько отстранила его, усадила на диван, утерла нос мягким ароматным платком и ушла в класс. Вскоре она вернулась, села рядом с Толькой и тихонько проговорила: ? Сейчас ты расскажешь мне, Толя, все, все, правда? Он согласно кивнул головой и, все еще время от времени прерывисто всхлипывая, начал рассказывать. Прозвенел звонок. В учительской появились учителя. Он замолчал, но Вера Семеновна каким-то виноватым голосом попросила: ? Продолжай, продолжай, Толя, это полезно услышать не одной мне. Толька чувствовал, что огорчил ее сильно, и ему стало не по себе. Стесняясь учителей, он говорил уже не так свободно, как наедине с Верой Семеновной. После того как Толька смолк, преподаватели тоже долго молчали. Вера Семеновна вытащила из сумочки носовой платок, выпачканный о Толькин нос, и теребила его пальцами. Завуч, седая высокая женщина, взяла из коробки папиросу и, постучав мундштуком о край стола, сказала, глядя в окно: ? Да-а-а... хороши воспитатели, нечего сказать! Ребенок больше месяца без родителей ? и мы не знаем этого. ? Она закурила и, размахивая спичкой, которая не гасла, продолжала: ? Ну, ладно, Вера Семеновна ? молодой преподаватель, она могла не догадаться, не поинтересоваться, хотя и стоило. Но мы-то, мы-то, что смотрели? Спичка обожгла руку. Завуч резко кинула ее на пол. ? Плохо, очень плохо мы работаем и с детьми, и с родителями, не знаем ни тех, ни других как следует, а еще жалуемся на скверную успеваемость. Завуч глянула в Толькину сторону и смолкла. Затянувшись несколько раз подряд, она смяла недокуренную папиросу и другим тоном проговорила: ? К этому разговору мы еще вернемся. А сейчас, Вера Семеновна, идите в гороно и сегодня же устройте мальчика в детский дом. В буфете горисполкома Вера Семеновна усадила его за столик, купила стакан сметаны и сайку. Толька начал было неуверенно отказываться, но она ласково потрепала его ершистые волосы и шепнула: ? Ешь. Я сейчас вернусь, жди меня здесь. Когда она вернулась, в стакане не было и признаков сметаны, так тщательно Толька вытер ее кусочком. ? Может, ты не наелся, Толя? ? спросила Вера Семеновна. Стакан сметаны и небольшая сайка, конечно, были для него пустяком, но он сделал над собой усилие и заявил, что сыт по горло. Вера Семеновна достала из-за рукава дошки маленькую бумажку, положила ее перед Толькой: ? Вот твое направление в детский дом. Я могу тебя проводить, но ты пойдешь один, так будет лучше, и ты не обманешь меня. Не обманешь ведь, правда? Толька помолчал и, вздохнув, выдавил: ? Ладно, пойду. ? Иди, Толя, смело иди. Мачеха неправду сказала тебе о детдоме. Приютов, какими она тебя пугала, давно уже нет в нашей стране. Ты убедишься в этом сам, а если кто тебя обидит, скажешь мне. Хорошо? ? Я теперь, Вера Семеновна, все буду вам говорить. ? Ну вот и хорошо, Толя, вот и хорошо, мальчик. Она проводила Тольку на улицу, подняла воротник его пальтишка, надела на его руки свои варежки и, на мгновение прижав к себе, сказала: ? Иди, Толя, иди. Размякнув от непривычной ласки, сконфуженный, оглушенный, шел он по заснеженной улице и снова его душили слезы. Детдом находился не в самом городе, а немного на отшибе. Новый дом с большими окнами стоял на пригорке. Напротив крыльца было озеро, от которого беспорядочно разбегались в стороны березки, ивовые кусты вперемежку с чахлым ельником, а дальше? белые бороздки? цепь озер, которым в Заполярье счету нет. Толька, замедляя шаги, подходил к детдому и вдруг замер. Из-за барьеров снега, загораживавших озеро, до него донеслись крики, визг, свист. Он долго стоял в

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru стороне, не решаясь подойти ближе. "Что там делается? Уж не порют ли?" ? подумал Толька. Он растерянно снял варежки, подул на коченеющие пальцы и сунул руки в карманы. Правая рука наткнулась на бумажку, и его потянуло прочь отсюда, в пустую, но милую избушку. Остановило его слово, которое он дал Вере Семеновне. Он только теперь понял, что попался на удочку и сплоховал! Что бы там ни было, а он должен был идти в этот, с виду мирный, но казенный и потому неприветливый дом. Есть же на свете счастливые ребята! Им не надо ходить с направлениями, у них своя семья. А тут хоть бы бабушка была, ну хоть бы кто-нибудь... Наконец Толька решился. Стиснув в руке бумажку, он пробежал по широким ступенькам: раз, два, три… шесть… восемь… Вот и блестящая дверная ручка. Он взялся за нее, хотел дернуть дверь, но рука как-то сама собой выпустила скользкую ручку. Измученный и бледный, он оперся на деревянную колонну плечом, поднял руку вытереть пот со лба да так и замер, взглянув на озеро. С высокого крыльца все озеро видно как на ладони. Что там делается! На зеленоватом льду, исчерканном коньками, полным-полно ребятищек. Будто маковые цветы, по озеру мелькают красные, белые шапочки. Ребятишки барахтаются, бегают, кричат, катаются кто на чем. Особенно оживленно около больших деревянных салазок. Седоков много, а салазки малы, все валятся на них разом. Возчики пробуют сдвинуть их с места, скользят, падают, бросают веревку и с криком: "Куча мала!" ? тоже валятся на санки. Ребята и постарше, заложив руки за спину, катаются на коньках и не обращают внимания на малышей. А вот двое мальчишек, став в позы боксеров, потоптались, как петухи, на месте, делая выпады издалека. Вдруг мальчишка, что был повыше ростом, начал осыпать ударами другого. Толька был сторонником напористого боя, но он всегда за слабых. Поэтому, позабыв обо всем на свете, он топтался на месте и шептал: ? Ну, двинь ему, садани! Привари разок! Да тресни же ты его! Тресни! Э-эх! Будто заслышав Толькины призывы, мальчишка, за которого он "болел", ловко увернулся от удара и стукнул длинного под левую руку. Толька подпрыгнул и заорал: ? Каа-апут! А победитель поднял руку, как боксер, и провозгласил: ? Нокаут! Вот, не рыпайся больше. Потом они с хохотом побежали к салазкам, около которых все еще копошилась куча. Толька с восторгом и завистью смотрел на ребятишек, одетых в одинаковые шубки с серыми воротниками. Внезапно сзади него задзинькал звонок. Толька вздрогнул, обернулся и увидел девочку. Была она в белом переднике, в летних тапочках. Она, торопливо потрясая звонком, одновременно подпрыгивала от холода и кричала: ? Обед! Обед! Ребятишки вперегонки кинулись к дому, теснились в дверях, подталкивали друг друга. Дверь захлопнулась. Стало тихо-тихо и пусто. Лишь одна девочка, тихонько напевая, обметала варежками снег с валенок. Она было взялась за дверную ручку, но посмотрела на озеро и сказала: ? Вечно эти мальчишки салазки бросят! Вприпрыжку вернулась она на озеро и прокатилась на санках одна себе, на просторе. Ей, видимо, понравилось. Она прокатилась еще несколько раз. Заметив Тольку, девочка приблизилась к нему и спросила строгим голосом: ? Ты чего здесь, мальчик, стоишь? Он растерялся: ? Да так, ни… ничего… стою и стою… вот! ? И протянул скомканную бумажку. Девочка с серьезным видом взяла бумажку, расправила ее и принялась читать. Словно убеждаясь в чем-то, она придирчиво осмотрела Тольку и деловито осведомилась: ? Значит, тебя зовут Толей? ? Ага, Толькой. ? Не Толькой, а Толей, ? наставительно сказала девочка. ? У нас никого не велено так называть, знай об этом сразу. ? И торопливо прибавила: ? А мое имя Галя. Галя Лазарева. Толька промычал что-то в ответ, а про себя подумал: "Эка, важность, Ла-а-азарева! Видали мы таких Лазаревых, подлиза какая-нибудь' В дверях салазки застряли. Толька решительно отстранил девочку и сам внес санки в прихожую. Галя усмехнулась, но ничего не сказала, а проводила его в раздевалку. Толька, затаив дыхание, смотрел на шубки с серыми воротниками и постеснялся повесить среди них свое драное пальтишко. Все равно у пальтишка вешалки не было. Мальчик скомкал его и бросил в угол. Не поборов соблазна, Толька погладил воротник у одной шубки и подумал: "Отличникам, наверно, дают. Дали бы мне такую, я бы тоже отлично учиться стал, шут с ними". Галя провела его в комнату с ванной и побежала куда-то. Пришла пожилая женщина в цветной косынке. Женщину эту звали няней Улей. Она велела Тольке сбросить одежонку и, пока ванна наполнялась водой, остригла машинкой его скатавшиеся волосы. ? А ну, дитятко, пощупай воду, не горяча ли? Толька погрузил в воду руку и прошептал: ? Хорошая! Несколько раз няня Уля меняла воду, которая делалась мышиного цвета, и, натирая Тольку мыльной мочалкой, приговаривала: ? Эк ты, дитятко, зарос! Ну, ничего, обиходим мы тебя ? и будешь ты как новый гривенник! Наполнив эмалированный таз водой, она начала окатывать мальчишку, приговаривая: ? С гуся вода, с лебедя вода... Тебя как зовут-то? ? Толька. ? С Толи худоба... Когда он вымылся и надел новую одежду, пришла Галя, взяла его за руку и повела по коридорчику, вдоль которого тянулась узорчатая дорожка. Они шли в ту сторону, откуда доносилось позвякивание ложек о тарелки. ? К вам новичок, Анна Павловна, его зовут Толей, ? важно промолвила Галя, войдя с Толькой в столовую. Сразу стало тихо. Десятки пар

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru любопытных глаз уставились на Тольку. К нему подошла молодая женщина и, положив руки на его плечи, обратилась к ребятам: ? Где, ребята, есть свободное место для Толи? За столами задвигались, застучали стульями, отовсюду понеслось: ? К нам новенького, здесь свободно! К нам! К нам! ? Н-не-ет уж, ? не выпуская Толькиной руки, сказала Галя. ? Я новенького привела ? и за столом он будет за нашим! ? Ты куда хочешь сесть, Толя? ? наклонившись к Тольке, спросила Анна Павловна. ? Мне все равно, ? растерянно пробормотал он. ? Если можно ? с Галей. Его усадили за стол, покрытый голубой клеенкой. Толька увидел посреди стола, рядом с тарелкой белого хлеба, блюдечко с солью, на стенах ? картины, нарисованные на картонках и бумаге, на окнах ? марлевые занавески с кошачьими мордочками. Тарелка с рисовой кашей у Тольки опустела моментально. Он скосил глаза на соседей и обмер: "У кашей у Тольки опустела моментально. Он скосил глаза на соседей и обмер: "У людей еще половины каши не съедено, а я уж всю свою слупил". Толька опустил глаза и начал под столом разглядывать свои непривычно чистые руки. ? Толя, ты почему не кушаешь? ? донесся до него голос Анны Павловны. Толька поднял голову и удивился: перед ним стояла новая порция каши с луночкой желтого масла в середине. Удивленно поглядел он на Галю, но она, как ни в чем не бывало, помешивала ложечкой в стакане. Пока он доедал вторую порцию, перед ним очутилась третья. Ребята потихоньку наблюдали за ним, но стоило ему взглянуть в их сторону, как они делали вид, будто его тут вовсе нет. И вдруг Толька понял, что все они когда-то пришли сюда такими же грязными, робкими и голодными, как он. Это открытие и обрадовало его и потрясло. Перестав стесняться, шмыгая носом, оы съел еще порцию, а кофе выпить не смог и с сожалением отставил недопитый стакан. После обеда Анна Павловна увела его в канцелярию и записала в толстую книгу. Заметив, что Толька то и дело искоса бросает взгляды на корешки книг за стеклянными дверцами шкафа, она спросила: ? Любишь читать, Толя? ? Ага, люблю. ? А что читал? Он назвал ей несколько книг. ? Ты уже читал "Тихий Дон"? ? удивилась Анна Павловна. ? Читал. Интересно, только не все, ? откровенно признался Толька. ? Про войну интересно, а про лирику и про любовь ? не шибко. ? Про что? Про что? ? прикрыв рот рукой, переспросила Анна Павловна. ? Про лирику. ? Хм... кто это тебе такую книгу дал? ? Никто не давал. Я ее в городской библиотеке оформил. ? Как оформил? Толька помялся: ? Ну... спер. Анна Павловна поморщилась и спокойным, но твердым голосом сказала: ? Читать надо не все, что под руку попадет, тогда, глядишь, со временем интересно будет и про войну, и про лирику. Она снова улыбнулась чуть заметно и, провожая его. добавила: ? А красть ты теперь перестанешь. Договорились? Он кивнул головой. И вот Толька в той комнате, где, по разговорам, он будет жить. Стены комнаты украшены картинами, на окнах в горшках цветы, как в обычном доме. ? Вот здесь ты будешь спать, ? сказала Анна Павловна, подведя его к кровати, стоявшей в углу. ? Ребята научат тебя заправлять постель. Сидеть на кровати не нужно, для этого есть стулья. Уроки будешь учить в классной комнате. Словом, знакомься с ребятами, они тебе все расскажут и покажуг. Обращаясь к ребятам, которых набилась полная комната, Анна Павловна сказала: ? Вот, ребята, новый мальчик, Толя. Вы все его видели в столовой. Познакомьтесь с ним ближе и покажите ему все. К Тольке по одному начали подходить мальчики, девочки и, подав руку, называли свои имена. Соня, Таня, Клава, Миша, еще Миша, Валя-девочка и Валя-мальчик… Где тут их всех запомнишь. Потом до самого позднего вечера он ходил из комнаты в комнату. Чего только ему не показывали, чего не рассказывали. Ог всего виденного и слышанного у него в голове какая-то неразбериха. После звонка Толька повесил на спинку стула аккуратно сложенные куртку, рубашку и штаны, как это делали остальные, и забрался в мягкую, прохладную постель. Ух, хорошо! Никогда еще не спал он в такой мягкой постели. Виденное за день теснилось в его голове. Прошло много такои мягкои постели. виденное за дель теслилест — времени, прежде чем он задремал. Но вдруг будто кто толкнул его. Он резко замолк шумный лом. спит... "А приподнялся и осмотрелся вокруг. Нет, все тихо, замолк шумный дом, спит... "А когда же будут лупить-то?" ? вспомнил Толька и подумал, что, наверное, с завтрашнего дня. "Сначала они ласково, а потом уж отлупцуют". Но тут же решил, что если дерут не особенно сильно, то стерпеть ради такого житья можно. "Ничего, не сахарный, не рассыплюсь..." ...Перед его глазами снова проплывали радостные лица ребят, задумчиво-спокойное лицо Анны Павловны с голубыми глазами и, наконец, доброе-доброе, изрезанное морщинами лицо няни Ули. Он тихонько улыбнулся и несколько раз с удовольствием повторил мягкие, музыкальные слова: ? Няня Уля, няня Уля... Уже сквозь сон Толька услышал, как тихонько отворилась дверь. Осторожно ступая, кто-то подошел к кровати, погладил его стриженую голову. От руки пахло хозяйственным мылом и еще чем-то непонятным, до боли близким. Он прижался щекой к этой теплой шершавой руке. В памяти возник образ матери, которую он чуть-чуть помнил. Вот так же тихо склонялась она когда-то к его изголовью. И он заснул впервые за несколько лет глубоким, спокойным сном... 1952

Астафьев Виктор Жил на свете Толька stafevvictor.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://astafevvictor.ru/ Приятного чтения! http://buckshee.petimer.ru/ форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни. http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

магазин обуви Интернет магазин http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг. http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!